

КОНКУРИРУЮЩЕЕ ГОСУДАРСТВО

В статье излагается теоретическая критика концепции общественных благ; предлагается обоснование государственных услуг как товаров, а государства как фирмы (микроэкономической организации), конкурирующей с другими экономическими агентами (индивидами и фирмами).

Положение о предоставлении государством общественных благ является типичным. Оно, однако, – следствие беспредметности суждений и многочисленных тавтологий. В аргументации этого утверждения и состоит первая задача данной работы.

Вторая задача – обоснование услуг, предоставляемых государством, как товаров, вследствие чего государство является конкурирующей микроэкономической организацией (фирмой).

В контексте изложения теории общественного выбора Р. Нуреев пишет: **«Общественный выбор – это коллективная выработка и принятие решений относительно производства, распределения, обмена и потребления общественных благ.** Коллективное решение предполагает необходимость согласования предпочтений. Оно происходит в обществе с помощью политического процесса. Поэтому политическое решение – это прежде всего решение относительно общественного блага» [10, с. 78-79]. Вопреки тому, что общественный выбор определяется через общественные блага, Нуреев формулирует определение иного понятия: **«Чисто общественное благо (pure public good) – это такое благо, которое потребляется коллективно всеми гражданами, независимо от того, платят они за него или нет.** Чисто общественное благо характеризуется двумя свойствами: неизбирательностью и неисключаемостью в потреблении» [10, с. 67]. (Иное обозначение свойства «неизбирательность» – отсутствие соперничества в потреблении; см.: [8, с. 38].)

Поясняя существование этих свойств, но не формулируя собственно дефиницию «общественное благо», далее автор заявляет, что «отнюдь не все общественные блага обладают свойствами неизбирательности и неисключаемости в одинаковой степени. Когда хотя бы одно из свойств проявляется слабо, то это уже смешанные блага...» [10, с. 70].

Итак, в этих рассуждениях отсутствует определение собственно общественных благ. Поэтому содержание концепта «общественные блага» является предметно-неопределенным

(беспредметным). Выражение «слабое проявление свойства» – эвфемизм; речь идет уже не о неком общественном, а об ином, не менее неопределенном – смешанном – благе.

Впрочем, возможно возражение: в процитированных рассуждениях чисто общественные блага и общественные блага идентичны; по мнению Нуреева, чисто общественными благами являются защита окружающей среды и национальная оборона (см.: [10, с. 67]). Однако чем обусловлена необходимость в понятии «чисто общественное благо»? Действительно ли эти «типы» благ идентичны?

Как утверждает Дж. Бьюкенен, «любое благо (или услуга), которое группа или сообщество индивидов в силу тех или иных причин решает производить через посредство коллективной организации, определяется как *общественное*. Эта широкая категория может включать некоторые блага, которые Самуэльсон и другие именуют «чисто коллективными», но может включать другие блага и услуги, степень «общественности» которых варьируется от нуля до 100 процентов» [4, с. 169].

В соответствии с буквальным прочтением версии Бьюкенена общественное благо – это любое благо, производимое через посредство коллективной организации, т.е. государства. Стало быть, Бьюкенен определяет общественное благо не в качестве блага, «характеризующегося свойствами неизбирательности и неисключаемости», а безотносительно к этим признакам.

Исследователь подчеркивает, что «блага и услуги, предоставляемые через посредство государства, если и являются полностью коллективными, то крайне редко. Вспомним первоначальное определение чистых общественных благ, данное Самуэльсоном: это благо, которое должно потребляться в равной степени всеми членами группы или коллектива. Если единица блага доступна любому члену сообщества, то единица блага должна быть, по определению, доступна и каждому другому члену данной группы. С точки зрения доли отдельного

индивида выгоды от этого блага совершенно неделимы» [4, с. 169].

В контексте вышеизложенного очевидно следующее: 1) чистые общественные блага и общественные блага не являются идентичными; 2) блага, которые не «обладают свойствами неизбирательности и неисключаемости в одинаковой степени» («степень общественности которых» менее 100%), являются общественными (Бьюкенен) или же смешанными (Нуреев) благами; 3) вследствие определения общественных благ в контексте избирательности и неисключаемости, но невозможности шкалы измерения «степени общественности» благ и определения (Бьюкененом) общественных благ безотносительно к признакам «неизбирательность» и «неисключаемость» выражения «общественные» и «смешанные» блага предметно-неопределенны, а потому рассуждения об общественных благах являются беспредметными.

Тем не менее, если предположить, что к группе общественных благ относятся чисто общественные блага и смешанные блага, то как с этим представлением соотносятся нижеследующие – взаимоисключающие – утверждения?

Р. Нуреев утверждает о существовании рынка общественных благ: «Образуется своеобразный политико-экономический кругооборот, который во многом схож с кругооборотом экономических благ. Только вместо домохозяйств и фирм в этом кругообороте участвуют избиратели и политики, а вместо рынков потребительских товаров и услуг фигурируют политический рынок и рынок общественных благ» [10, с. 90–91].

Этот тезис, подразумевающий спрос и предложение неких (отличных от частных) общественных благ, однако, не соответствует следующему далее положению о нерыночном типе общественного выбора: «**Общественный выбор представляет собой совокупность процессов нерыночного принятия решений по поводу производства и распределения общественных благ, который обычно осуществляется через систему политических институтов.** Если рынок выявляет механизмы индивидуальных предпочтений относительно производства частных благ, то государство представляет собой аналог рынка и выявляет предпочтения индивидов относительно производства общественных благ. Особенностью этого механизма выявления предпочтений является его нерыночный характер» [10, с. 144].

Итак, если чисто общественные блага являются типом общественных благ (второй тип – смешанные блага), то на каком основании утверждается о существовании рынка общественных (стало быть, в том числе чисто общественных) благ? Если смешанные блага – тип общественных благ, то каково основание утверждения о невозможности их (а следовательно – общественных благ) рыночного распределения? Никаких теоретических оснований для этих утверждений нет. Но именно к этому алогизму приводит употребление научно беспредметного выражения «общественные блага».

М. Блауг констатирует: «Особая природа общественных благ заключается в том, что их потребление может быть только совместным и равным: чем больше достается одному домохозяйству, тем больше, а не меньше достается любому другому. <...> Как подчеркивал Вексель в «Исследованиях по теории финансов» (1896), совместный спрос на общественные блага означает, что рыночный механизм не способен побудить потребителей обнаружить предпочтения в отношении таких благ. Отсюда ясно, что никакой рыночный критерий не поможет нам выяснить, каким должно быть «правильное» количество общественных благ. Согласно Векселлю только политическое решение (через голосование) может определить количество общественных благ, которое следует производить» [2, с. 549].

Но далее, используя выражения «чисто общественное благо» и «общественное благо», не приводя примеров первого типа блага, Блауг утверждает: «Чисто общественных благ существует очень мало: общественные дороги в действительности приносят делимые, а не неделимые выгоды: «чем больше достается тебе, тем меньше достается мне». Понятие общественных благ гораздо более ограничено, чем может показаться на первый взгляд. Недостаточно, чтобы потребление было совместным; оно должно быть еще и равным для всех независимо от того, платят они или нет. Более того, предложение общественных благ не должно быть рационализовано, поскольку количественное ограничение эквивалентно цене, что создает, таким образом, возможность решения с помощью ценовой системы. Следовательно, возникает сомнение в том, являются ли дороги, охрана общественного порядка, парки, площадки для игр, школы и больницы действительно примерами общественных благ» [2, с. 550].

Путаница с чисто общественным благом, общественным благом и частично общественным (смешанным) благом вынуждает Блауга сделать предположение: «Действительно, мы, похоже, сталкиваемся с двумя довольно разными и частично перекрывающимися друг друга определениями общественного блага. Общественное благо, если оно доступно кому-нибудь, должно быть доступно всем – свойство неограниченного пользования... – и его потребление кем-то одним не должно препятствовать его потреблению другими – отсутствие соперничества...» [2, с. 550].

Именно предметная неопределенность «общественных благ» позволяет В. Тамбовцеву делать следующее утверждение: «...в целом можно констатировать, что в деле производства общественных благ рынок дает осечку: связанные с ним стимулы эффективного использования ресурсов диктуют производителям отказ от их применения для такого производства. В соответствующих ситуациях принято говорить о «провалах» или «ошибках рынка». И вот тут-то в действие вступает государство, формируя общественный сектор экономики. <...> Вместе с тем важно отметить, что не существование общественных благ порождает возникновение государства, а специфические черты последнего как особой организации дают ему сравнительные преимущества в деле их производства. Ведь если нужда в каком-либо благом, по своим свойствам являющемся общественным, у кого-то окажется крайне настоятельной, он возьмет инициативу на себя, убедит или заставит других ему помогать и т.д., и в конечном счете наладит его производство без всякого государства» [13, с. 22–23].

Подразумевая под общественным выбором процесс нерыночного принятия решений, Д. Мюллер формулирует вопрос: «Почему коллективный выбор не может реализоваться через рыночный механизм?» [9, с. 248]. Необходимое основание ответа – общественные блага: «Если государство представляет собой аналог рынка при предоставлении общественных благ, то оно должно решать такую же задачу, связанную с выявлением предпочтений, в отношении общественных благ, какую рынок решает в отношении частных благ» [9, с. 249]. Эти положения, содержащие указание на необходимую связь правила единогласия, общественного выбора и общественных благ, соответствует позиции Бьюкенена (см.: [5, с. 257, 259]).

Рассматривая далее (в контексте проблемы несоответствия «либеральных принципов» и Парето-оптимума) теорему невозможности Эрроу, этические функции общественного выбора Сена и функцию общественного благосостояния Харсаньи, Мюллер заключает, что теоретически приемлемое решение предложено только Бьюкененом и Таллоком. Отмечая схожесть взглядов Харсаньи и Бьюкенена – Таллока, он, однако, не фиксирует алогичности пространственных рассуждений последних (см.: [6]) о единогласном конституционном выборе, в том числе произвольной интерпретации Парето-оптимума (его подмены) применительно к ситуации неопределенности.

Как заявляет Дж. Стиглиц, исследование коллективного выбора – важный предмет «экономики государственного сектора» [12, с. 20], поскольку он является «общественным механизмом распределения ресурсов», существенно отличающимся от «частных механизмов распределения ресурсов» [12, с. 144–145].

Вопреки трактовке налогообложения как принудительного и неопределенного в плане легитимности действия (см.: [12, с. 364]), Стиглиц отмечает, что государство предлагает особый тип товара — общественные товары; чисто общественные товары «имеют два определяющих свойства. Во-первых, каждый новый индивидум, пользующийся общественными товарами, не должен за них платить. <...> Во-вторых, в принципе, оказывается трудным или невозможным исключить индивидумов из числа потребителей определенного общественного товара» [12, с. 79]. Он полагает, что к этой группе относится и государственное управление [12, с. 141]. Опираясь на теорию благосостояния и на модель равновесия спроса и предложения общественных благ Э. Линдаля (о модели Линдаля см.: [7]), Дж. Стиглиц заявляет о существовании общественной функции благосостояния [12, с. 105].

Некоторые положения концепции государственного сектора экономики Дж. Стиглиц уточняет в совместной с Э. Аткинсоном работе, в которой деятельность государства также объясняется в контексте попытки интеграции теории благосостояния («основной точки отсчета») и теории коллективного (общественного) выбора.

В теории благосостояния модель государственного сектора экономики – изображение государства в качестве «корректора «недостатков» рыночной экономики» [1, с. 23]. Однако в

контексте теории общественного выбора Дж. Стиглиц и Э. Аткинсон делают следующее, отрицающее теорию благосостояния, заявление: «...не предполагается, что эта гипотетическая ситуация свободного рынка может быть достигнута в отсутствие правительства. Действительно, есть мало оснований считать, что рынок мог бы функционировать в ситуации, предполагающей негосударственную экономику» [1, с. 23].

Сопоставление этих двух положений позволяет сделать аналитически очевидным фундаментальное противоречие концепции государственного сектора экономики. В соответствии с теорией благосостояния рынок необходимо предшествует государству (в противном случае невозможно объяснение необходимости государства «несостоятельностью», или «провалами», рынка), но в контексте теории общественного выбора, как, подобно Бьюкенену (см.: [3, с. 61]), заявляют Стиглиц и Аткинсон, безгосударственная экономика невозможна, рынок невозможен без государства как политического (общественного) института.

В теории благосостояния объектом государственного регулирования является рынок, осуществляющий аллокацию ресурсов и дистрибуцию доходов. Но согласно теории общественного выбора аллокация и дистрибуция определяются не собственно рынком, а совокупностью институтов (в том числе и государством) (см.: [3, с. 39, 207–208]), определяющей права собственности и правила, в рамках которых действуют субъекты обмена правами собственности. Между тем государство не может быть объектом государственного регулирования; теория общественного выбора (а по сути, институционализм) исключает возможность существования государственного регулирования. Соответственно в контексте этой – институциональной – теории рассуждения о государственном секторе экономики и государственном регулировании произвольны.

Итак, предметно-логическая неопределенность (беспредметность) концепта «общественные блага», а также теорема о возможности К. Эрроу [15], доказательство П. Самуэльсона невозможности общественных кривых безразличия [11] (следовательно, и функции общественного благосостояния) исключают возможность определения услуг, предоставляемых государством, как общественных благ.

В излагаемой далее – экономико-теоретической – модели происхождения государства

последнее есть микроэкономическая организация (фирма), осуществляющая налогообложение и производство денег.

В модели бартерного хозяйства условие воспроизводства каждого специализирующегося индивида – присвоение продуктов действий других индивидов. Индивиды вынуждены относиться ко всем производимым продуктам как к объектам возмездного присвоения; в противном случае индивидуальное воспроизводство невозможно. Между тем бартерный тип хозяйственной организации предполагает необходимой синхронизацию продажи и покупки, а стало быть, синхронизацию индивидами производства и потребления. Однако типична асинхронность индивидуальных актов производства и потребления, которая не может быть устранена. Соответственно возникает необходимость замещения бартерного (синхронного) обмена асинхронным, а следовательно, необходимость во всеобщем средстве присвоения.

Возникающие вследствие конкурентной дифференциации хозяйственных агентов (и технологических инноваций) фирмы организуют фирму, осуществляющую производство всеобщего средства присвоения (денег) и предоставляющую его участникам хозяйственной организации не в качестве товара, а в качестве объекта кредитного отношения; предоставляющую возможность временного и возмездного его использования.

Отличия этой фирмы от прочих фирм определяются спецификой денег и не ограничиваются монопольным производством этого продукта.

1. Чтобы исключить произвольное – независимое от конкурентоспособности индивидов и фирм – присвоение возможности использования денег, данная возможность предоставляется в виде кредитной услуги.

2. Чтобы исключить ориентацию данной фирмы на наращивание дохода (кредитного процента), присваиваемого от предоставления возможности использования денег, собственно производство денег совершается независимо от конкурентоспособности хозяйственных агентов – сопряжено с налогообложением. Поскольку собственно деньги не являются товаром, хозяйственные агенты вынуждены платить налоги – совершать денежные расходы в обмен на (услугу) долговое обязательство, а именно обещание данной фирмы обеспечивать их деньгами.

Данное долговое обязательство – это обещание агента совершать в будущем по отноше-

нию к кредитору дисконтированные расходы. Количество денег, предоставляемых интересующей нас фирмой прочим хозяйственным агентам, больше количества денег, передаваемых фирме в качестве налога. Стало быть, дисконтированные расходы имеют место. (Вместе с тем, скажем, неконкурентоспособный, не присваивающий возможность использования денег субъект не может платить налоги.)

Указанный налог – это всеобщие денежные расходы экономических агентов (индивидов и фирм), обмениваемые на долговое обязательство государства, а именно обещание последнего совершать в будущем по отношению к кредиторам (налогоплательщикам) дисконтированные расходы. Таким образом, собственно налогообложение – это кредитное отношение; налоги обмениваются непосредственно на долговое обязательство, а не на деньги (или иные услуги).

Будучи монополистом в осуществлении этих действий, государство, однако, не ограничивается производством денег; также оно оказывает целый ряд услуг.

Стало быть, государство обменивает на налоги два типа долговых обязательств: 1) эмиссионные долговые обязательства и 2) неэмиссионные долговые обязательства. Соответственно необходимо различать два типа налога: 1) эмиссионный налог – налог, присваиваемый государством для осуществления эмиссии (производства) денег; 2) неэмиссионный налог – налог, присваиваемый государством для производства услуг, отличного от производства денег.

Особенность неэмиссионного налогообложения обуславливается особенностью соответствующего типа долгового обязательства и состоит в следующем. Совершая неэмиссионные налоговые расходы, индивиды и (прочие) фирмы являются по отношению к государству кредиторами, ибо обменивают налог (покупают) непосредственно на долговое обязательство государства, а именно обещание будущего натурального возмещения налоговых расходов (возврата налоговых расходов в виде услуг, а не денег). Именно объект «долговое обязательство» характеризует (отличает от иных) кредитное отношение (см.: [16, с. 31]), которое является одним из типов товарно-денежного присвоения.

(Для того чтобы указанная особенность неэмиссионного налогообложения стала аналитически очевидной, мы принимаем в качестве несущественного известный факт, а именно про-

дажу государством ряда услуг по эмпирически явным ценам.)

Основание возможности неэмиссионного налогообложения – эмиссионное налогообложение, обусловленное необходимостью производства денег. Возможность совершать эмиссионное налогообложение позволяет государству увеличивать величину налогообложения (скажем так, увеличивать ставку налога); причина этой тенденции – заинтересованность участников фирмы (индивидов), называемой государством, в относительном увеличении доходной части государственного бюджета, являющейся источником их факторных доходов. Осуществляя специализацию, участники микроорганизации «государство» необходимо являются субъектами конкуренции – соперничества за возможность присвоения продуктов действий других агентов, однако доход государства ограничен величиной эмиссионного налога (в этих рассуждениях можно пренебречь процентным доходом от предоставления денег в качестве объекта кредита, который в сумме с налогами есть общий доход государства). Совершаемое ими обоснование этой тенденции – возможности государства не ограничиваются исключительно денежной эмиссией; оно может также предлагать иные долговые обязательства. Обстоятельство, содействующее этой тенденции: ожидания конкурирующих индивидов и (прочих) фирм относительно государства как фирмы, должной (совершающей налогообложение) и могущей (осуществляющей производство всеобщего средства присвоения) предоставлять иные (отличные от эмиссии) услуги.

В данном контексте аналитически очевидным становится следующее.

То обстоятельство, что государство является монопольным эмитентом денег, отнюдь не исключает конкуренции. Как было замечено выше, сообщество индивидов, являющееся государством, конкурирует с иными экономическими агентами за возможность присвоения продуктов специализированных действий других. Соответственно имеет место конкуренция, проявляющаяся в определении величины эмиссионного налогообложения. Данная величина не может изменяться существенно. В том числе не может быть существенным ее рост. Последний подобен значительному росту процентной ставки (по кредитам, предоставляемым государством), вызывающему тенденцию к экономической дезорганизации – к бартеризации и пос-

ледующей автономизации индивидуальных хозяйственных действий (соответствующей технологической деградации производства), сопряженной с исчезновением денег, налогообложения и собственно государства.

Если представить открытую экономику (принять во внимание иные государства), то нельзя исключить в качестве второго (дополнительного) обстоятельства, ограничивающего рост эмиссионного налогообложения, межгосударственную конкуренцию. (Поскольку эмиссия денег и присвоение налога являются необходимыми условиями формирования факторных доходов индивидов, сообщество которых есть государство, межгосударственная конкуренция проявляется в соперничестве за возможность производства денег и налогообложения.) В случае данного роста некоторая часть экономических агентов будет стремиться стать субъектом иной экономики, а именно использовать иные деньги (другую валюту) и совершать налоговые расходы по отношению к иному государству.

Не совершая неэмиссионное налогообложение, государство не может предоставлять иные, отличные от эмиссии денег, услуги. Поскольку необходимое условие предоставления государством и присвоения индивидами и (прочими) фирмами данных услуг – неэмиссионное налогообложение, для экономических агентов эти услуги не являются безвозмездными. Иными словами, этого типа услуги являются товарами.

Совершая неэмиссионные налоговые расходы, индивиды и (прочие) фирмы покупают непосредственно (неэмиссионные) долговые обязательства государства, но каждое данное долговое обязательство и соответствующая (обещаемая) услуга не являются идентичными; не каждое долговое обязательство государства оказывается реализованным. Это событие типично вследствие того, что всеобщность налогообложения (взимание налогов с конкурирующих экономических агентов) позволяет государству предлагать взаимоисключающие долговые обязательства. Соответственно услуги государства являются дискриминационными. Помимо этого кредитный тип налогообложения обуславливает качественную неоднородность единиц соответствующей услуги, предоставляемой государством.

(Необходимое условие логической корректности тезиса об отсутствии ограниченности и соперничества в потреблении «общественных

благ» – качественная идентичность всех единиц соответствующего «общественного блага». Если допустить, что каждый вид государственной услуги предоставляется в единичном количестве при отсутствии ограниченности и соперничества в потреблении, то нет оснований для поиска оптимального объема производства каждой данной услуги, но главное, невозможно объяснить качественную неидентичность любой данной («единичной») услуги для различных групп потребителей. Следовательно, объем производства каждого вида государственных услуг превышает единицу. Но если единицы каждого данного вида услуги качественно неидентичны, то предполагать отсутствие ограниченности и соперничества в их потреблении нет никаких оснований. Предоставление пищи способом, известным как «шведский стол», не является бесплатным. Между тем именно подобным (не исключающим ограниченность и соперничество, но создающим иллюзию бесплатности) способом предоставляются в качестве товаров государственные услуги.)

В контексте заявленного в работе предмета не менее существенно следующее. Осуществление неэмиссионного налогообложения позволяет государству непосредственно участвовать в определении производственных технологий, что в ряде случаев содействует монополизации предоставления соответствующих услуг. Post factum возникает эмпирическая иллюзия безальтернативности технологии производства и качества государственных услуг как неких общественных благ. Но и монопольный тип (как в случае с денежной монополией) предоставления неденежных услуг отнюдь не исключает указанной ранее конкуренции государства с другими экономическими агентами за возможность присвоения продуктов специализированных экономических действий других. Разумеется, имеет место конкуренция и в случае предоставления государством услуг, подобных услугам иных фирм.

Осуществляя специализацию, каждый индивид необходимо является субъектом соперничества за возможность присвоения продуктов действий других агентов. В свою очередь вследствие соперничества – необходимость совершения действий, обеспечивающих конкурентное преимущество. Данное преимущество может позволить фирме быть монополистом, а следовательно, монополизм (действие монополиста) – конкурентное действие. (Статические модели «монополия» и «совершенная конкурен-

ция» следует отличать в качестве альтернативных типов рыночной структуры. Э. Уэст с полным основанием утверждает: «С точки зрения экономиста неоклассического направления, монополия – полная противоположность... «совершенной конкуренции»» [14, с. 585]. Однако монополия отнюдь не исключает собственно конкуренцию (соперничество); монополизм – не антипод, а проявление конкуренции.)

В соответствии с вышеизложенным можно утверждать, что налоги являются промежуточным объектом конкуренции, а собственно налогообложение – косвенным средством конку-

ренции государства и иных фирм; предоставление государством услуг – непосредственное средство конкуренции.

Основной вывод состоит в следующем. Государство является фирмой (микроэкономической организацией), совершающей товарно-денежное присвоение и конкурирующей с другими экономическими агентами (индивидами и фирмами). Соответственно – будучи элементом экономической организации – государство не дополняет и не замещает рынок и не может регулировать экономическую организацию или же управлять последней.

Список использованной литературы:

1. Аткинсон Э. Б., Стиглиц Дж. Э. Лекции по экономической теории государственного сектора. М.: Аспект Пресс, 1995. 832 с.
2. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994. 720 с.
3. Бреннан Дж., Бьюкенен Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономическая экономия. СПб.: Экономическая школа, 2005. 272 с.
4. Бьюкенен Дж. Государственные финансы в условиях демократии // Отечественные записки. 2002. №4–5. С. 163–175.
5. Бьюкенен Дж. Границы свободы. Между анархией и Левиафаном / Бьюкенен Дж. М. Сочинения. М.: Таурас Альфа, 1997. С. 207–444.
6. Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии / Бьюкенен Дж. Сочинения. М.: Таурас Альфа, 1997. С. 31–206.
7. Иохансен Л. Некоторые заметки по поводу предложенной Линдалем теории определения государственных расходов / Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор. Т. 4. СПб.: Экономическая школа, 2004. С. 377–391.
8. Ламперт Х. Социальная рыночная экономика. Германский путь. М.: Дело ЛТД, 1994. 224 с.
9. Мюллер Д. Теория общественного выбора / Панорама экономической мысли конца XX столетия: в 2 т. Т. 1. СПб.: Экономическая школа, 2002. С.248–303.
10. Нуреев Р. М. Теория общественного выбора. Курс лекций. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 531 с.
11. Самуэльсон П. Э. Общественные кривые безразличия / Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор. Т. 4. СПб.: Экономическая школа. 2004. С. 135–164.
12. Стиглиц Дж. Ю. Экономика государственного сектора. М.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М, 1997. 720 с.
13. Тамбовцев В. Л. Государство и экономика. М.: Магистр, 1997. 48 с.
14. Уэст Э. Дж. Монополия / Экономическая теория / под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 585–593.
15. Эрроу К. Дж. Коллективный выбор и индивидуальные ценности. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 204 с.
16. Ямпольский М. М. О трактовках кредита // Деньги и кредит. 1999. №4. С. 30–32.